

усонній. Свѣтлая, по своимъ душевнымъ качествамъ, личность П. Д. на первыхъ порахъ инспекторской службы моего отца сдѣлала ему много хорошаго.

Привыкнувши къ жизни самой простой и неприхотливой, А. А. Танковъ рѣшилъ, что какъ онъ до инспекторства не пилъ чаю, то не будетъ его пить и потомъ. Но П. Д., узнавъ о томъ, рѣшительно возсталъ противъ такого намѣренія.

—Что вы дѣлаете, воскликнулъ онъ, вѣдь такимъ образомъ вы потеряете всякое уваженіе у учениковъ. Непремѣнно пейте чай, какъ и мы. Увѣряю васъ, что по складу нашихъ училищныхъ правъ ваше намѣреніе надо оставить.

Мой родитель никогда не отличался упрямствомъ и умѣлъ, выслушавъ чей-либо основательный совѣтъ, не пренебрегать имъ.

Такъ онъ поступилъ и въ данномъ случаѣ и немедленно купилъ себѣ самоваръ и чайный приборъ. Самоваръ этотъ служилъ нашей семьѣ до 1866 года. Неразъ родитель мой, указывая на него, говорилъ:

—Это было мое первое приобрѣтеніе, сдѣланное на деньги, полученныя на службѣ.

Въ 1867 году были куплены два новыхъ самовара, которые служатъ у насъ и до сей поры. Главное чувство, которое покойный испыталъ, сдѣлавшись инспекторомъ, было тоска и сожалѣніе объ академіи. Мы видѣли, что чтеніе лекцій профессорами, постоянное общеніе съ чуднымъ міромъ науки, идеальное стремленіе къ высшимъ сферамъ знанія и т. под. сразу рухнуло при вступленіи на службу, требовавшую размѣна способностей и труда на мелкую монету, вниманія къ поведенію и проступкамъ учениковъ, разныхъ кропотливыхъ и докучныхъ распоряженій, наложенія взысканій и т. д. Все это вообще не по душѣ было молодому магистру. Представьте себѣ, всего за три недѣли до смерти, покойный въ бесѣдѣ со мною, вспоминая о своемъ инспекторствѣ, отзывался такъ, что самое тяжелое и безпокойное время его жизни было именно прохожденіе инспекторской должности (1843—1848 г.г.), при чемъ онъ

привелъ и примѣры, иллюстрировавшіе высказанное имъ наблюденіе.

Послѣ многихъ лѣтъ съ ужасомъ вспоминалъ онъ, напр., о томъ, какъ во время его инспекторства ученики бѣлгородскаго училища чуть—чуть не сожгли зданія этого учебнаго заведенія.

—Наловили они въ Донцѣ раковъ и захотѣли ихъ испечь. Но гдѣ устроить это? На дворѣ, разумѣется, нельзя. Не долго думая, взобрались на чердакъ и развели огонь. Черезъ нѣсколько минутъ запылала крыша. Спасибо было городничему. Прискакавъ на пожаръ, онъ, по обычаю того времени, громовымъ голосомъ грянулъ на пожарныхъ инвалидовъ и училищныхъ служителей:

—Запору всехъ васъ, если сейчасъ не погасите крыши!

Тѣ ринулись отчаяннымъ образомъ и, какъ говорится, грудью своею заглушили огонь...

Смотритель и инспекторъ вздохнули съ нѣкоторымъ облегченіемъ.

На инспекторѣ лежали сложныя обязанности: во первыхъ наблюденіе за дисциплиной въ классахъ, въ казенномъ домѣ, внѣ училища, на городскихъ квартирахъ, а никакихъ помощниковъ и надзирателей не было; во вторыхъ, на инспекторѣ лежала хозяйственная часть, въ третьихъ—все дѣлопроизводство и счетоводство по училищу и, въ четвертыхъ, преподаваніе въ четвертомъ классѣ латинскаго языка и соприсчисленныхъ къ нему предметовъ. Не надо забывать, что въ то время въ училищѣ было 4 основныхъ класса и 2—такъ называемаго приходскаго училища, итого шесть.

Въ 1844 году А. А. Танковъ женился на дочери смотрителя рыльского училища о. протоіерея І. В. Коренскаго *). Такъ какъ покойный необыкновенно уважалъ своего бывшаго ректора семинаріи Варлаама, то счелъ долгомъ на предстоявшій бракъ испросить его благословеніе, какъ архипастыря (ибо Варлаамъ въ

*) Елизаветъ Ивановичъ. Съ женою онъ прожилъ 32 года. Отъ этого брака было одиннадцать человѣкъ дѣтей—восемь мальчиковъ и три дѣвочки. Въ вдовствѣ о. протоіерей А. А. Танковъ былъ 27 лѣтъ.